

Три чёрных коршуна внезапно словно взбесились, яростно атаковав птицу-секретаря. К ним, вопреки всякой логике, примкнул и белоголовый сип — мирный, казалось бы, падальщик, которому до живой добычи обычно и дела не было.

Небо над саванной мгновенно превратилось в кипящий хаос. Луань Лин ошеломлённо наблюдал за этим безумием: в реальной природе подобные виды никогда не сошлись бы в схватке. Ну с какой стати обычным пернатым нападать на грозную птицу-секретаря?

«Улетай скорее! — встревоженно крикнул Луань Лин. — Птица-секретарь в воздухе уступает коршунам в маневренности!»

«Эти твари — тоже игроки?! Но ведь объединяться в команды запрещено! Какого чёрта они бьют тебя толпой?»

Стоило Гун Чао на мгновение замедлить ход, как спину обожгло острой болью. Коршун впился когтями в его серо-белые перья, выдрал их с корнем, — у самого основания тут же проступила багровая кровь.

Нападавшие уступали ему в размерах, но дрались с неистовой, чисто человеческой злобой, готовые размениваться ударами и идти на таран. Животные так себя не ведут — за маской пернатых хищников явно скрывались отчаявшиеся люди. Судя по всему, постоянный страх и голод довели их до ручки: они кидались на любого встречного, рассчитывая растерзать птицу-секретаря и хоть как-то насытиться.

«Это не сговор, — глухо отозвался Гун Чао. — Им плевать на штрафы за сближение. Система наказывает за долгую близость призывом хищников, но посмотри вокруг: тут и так на каждом шагу по твари. Терять им просто нечего».

Ситуация становилась критической. Игра вступала в завершающую фазу — фазу тотального самоистребления.

«Что же делать? — воскликнул Луань Лин. — Ты сможешь оторваться?!»

Гун Чао не успел уклониться: очередной коршун зацепил его когтями за голову. Гордость птицы-секретаря — великолепный чёрный хохолок — превратилась в оборванные лохмотья, и тёмные перья медленно поплыли к земле.

Внизу за суматохой в небе внимательно наблюдали гиены. Они задрали морды к облакам, терпеливо выжидая, пока кто-нибудь из раненых бойцов рухнет вниз, чтобы тут же устроить пиршество.

Гун Чао вскипел от злости. Когда один из коршунов неосторожно пролетел прямо под ним, он мгновенно сложил крылья и камнем ринулся вниз. Набрав скорость за счёт свободного падения, он оказался точно над врагом и со всей силы вмазал ему лапой по голове.

В момент удара он яростно взревел в ментальном канале связи:

«Я человек, ублюдки! Твою мать, убийство — это преступление!»

От этого бешеного рыка у Луань Линя аж заложило уши. Сжавшись в комок, он тихонько пролепетал:

«Давай, Лао Гун, врежь им! Только полегче... Если ты забьёшь их насмерть, система нас не покарает?»

«Хрен там! — зло огрызнулся Гун Чао. — Это необходимая оборона! Я не собираюсь их убивать, просто прочу этих слепых куриц!»

«Сурово... — Луань Лин аж затрепетал от восторга и страха».

Да уж, суровое прошлое Гун Чао в горячих точках давало о себе знать. При всей своей дисциплинированности и сходстве с военным, в его крови спала опасная, первобытная тяга к насилию, которая просыпалась в минуты опасности.

Сражаться в поднебесье оказалось куда сложнее, чем на земле. Крылья — неповоротливый инструмент для резких манёвров, так что любая попытка круто развернуться грозила лобовым столкновением.

Ситуацию осложняло то, что среди противников затесались два тяжелых сипа. Эти громоздкие птицы могли летать только за счет восходящих тепловых потоков. Юркостью они не отличались, и Гун Чао искренне не понимал, какого чёрта эти летучие шкафы вообще забыли в воздушном бою. Сцена напоминала безумную свалку, где в виражи четырёх маневренных истребителей упорно пытались вклиниться два неповоротливых пассажирских лайнера. Выглядело это нелепо и дико.

Гун Чао, растеряв последние остатки холёного оперения, заложил крутой вираж и с размаху врезался грудь в грудь в одного из сипов. От страшного удара воздух заполнили тучи перьев, а обе птицы, потеряв высоту, едва не рухнули на съедение гиенам.

Озверев окончательно, он извернулся и приземлился прямо на спину сопернику. Используя тушу врага как трамплин, Гун Чао с силой впечатал лапы в его хребет и телепатически заорал:

«У тебя мозги вообще есть?! Какого хрена ты творишь?! Ты ведь человек, верно? Отвечай!»

«Да ты хоть представляешь, каково это — быть грифом?! — в отчаянии заверещал тот в ответ. — Если мы не добудем свежего мяса, нам придётся жрать тухлятину! У тебя самого клюв повернётся совать его в кишашую червями гниль?!»

После этой тирады Гун Чао заткнулся. Злость мгновенно испарилась, уступив место глубокому, искреннему сочувствию к несчастным падальщикам. Да уж, врагу не пожелаешь. Окажись он сам на их месте, вряд ли смог бы заставить себя прикоснуться к гниющей падали.

«Мне искренне жаль вас, — мысленно произнёс Гун Чао, — но выберите другую цель. Я человек, и если кто-то из нас погибнет, виновный огребёт от системы по полной».

«Да плевать на наказания! — в голосе сипа сквозило чистое безумие. — Тут либо ты, либо тебя! Если я никого не убью, то сам сдохну с голоду! Думаешь, выжить не важнее штрафов?!»

Гун Чао лишь холодно хмыкнул и без лишних церемоний пнул сипа, заставив того спикировать вниз.

«Дело твоё. Верить или нет — решай сам».

Сбросив врага со счетов, он больше не тратил время на пустые разговоры. Тех, кто шёл на него с открытой агрессией, бессмысленно было убеждать — оставалось только бить в ответ. Пять нападавших птиц наглядно доказывали: игра превратила людей в диких зверей, готовых грызть глотки даже бывшим сородичам. Сколько бы Гун Чао ни пытался выйти на связь во время прошлых стычек, нападавшие игнорировали любые призывы к разуму и продолжали рвать его когтями.

Что ж, если они выбрали путь насилия, то и жалеть их не за что.

Гун Чао применил уже проверенную тактику: резко взмывал вверх, заходил со слепой зоны и обрушивался на противников сверху, забивая их мощными ударами длинных, мускулистых ног птицы-секретаря.

«Целься в маховые перья! — подсказал Луань Лин. — Те, что на самых кончиках крыльев! Без них они не смогут держать высоту и сразу посыплются вниз!»

«Понял», — отозвался Гун Чао, пуская в ход крепкий, изогнутый клюв.

Стоило очередному коршуну пойти на сближение, как Гун Чао молниеносно вытягивал шею и мёртвой хваткой вцеплялся в чужое крыло, ухитряясь при этом беречь собственное оперение.

В вышине разыгралось неистовое побоище — перья летели во все стороны, застилая небо серой метелью.

У коршунов были изогнутые, бритвенно-острые когти, идеально приспособленные для захвата жертвы, в отличие от длинных ног птицы-секретаря. Гун Чао быстро покрылся глубокими царапинами, но боль лишь разожгла в нём боевой азарт.

Все те долгие часы, что он провёл, тренируя лётные навыки, окупились сполна. Через несколько минут яростной свалки нападавшие дрогнули. Лишившись ключевых маховых перьев, два коршуна начали стремительно терять высоту. Жалобно заверещав, израненная стая рассыпалась в разные стороны и пустилась наутёк.

Гун Чао не стал преследовать беглецов. Силы его были на исходе. Тяжело дыша, он опустился на ветви родной акации и наскоро наломал клювом веток, соорудив над собой подобие маскировочного навеса. Ещё одного такого налёта его израненное тело могло просто не перенести.

Едва птица-секретарь коснулась ветвей, Луань Лин, охнув от жалости, забрался к нему на спину. Глядя на ободранные, заляпанные кровью некогда роскошные серые перья, он принялся заботливо расправлять и вылизывать их своими крошечными лапками.

«Спасибо тебе... натерпелся же ты», — тихо прошептал он, напрочь забыв о привычных шуточках.

«Я просто спасал собственную шкуру, ничего особенного, — отозвался Гун Чао. — Но за подсказку спасибо, она оказалась очень кстати».

Луань Линя редко хвалили так искренне. От переполнявшего его чувства гордости и тепла он расправил грудь колесом и гордо заявил:

«То ли ещё будет! — воскликнул Луань Лин. — В следующем раунде я обязательно перерожусь в какого-нибудь суперхищника на самой вершине пищевой цепочки. Буду лично тебя охранять!»

Для пущей убедительности он похлопал себя лапкой по пухлому тельцу — то ли по шее, то ли по животу, разобрать в этой меховой сфере было невозможно. Выглядело это невероятно мило и ни капли не грозно.

Гун Чао не стал портить ему момент и подыграл:

«Ловлю на слове, — ответил Гун Чао. — Надеюсь на тебя».

Луань Лин мгновенно просиял. Стоило смертельной опасности отступить, как его неуёмный весёлый нрав снова дал о себе знать.

«Лао Гун! Раз уж мы тут заперты и делать совершенно нечего, давай поболтаем о чём-нибудь

весёлом! А то скука смертная».

«И о чём же? — спросил Гун Чао. — Опять подкинешь какую-нибудь пошлую зоологическую справку?»

В глубине души он поймал себя на мысли, что ему даже любопытно, какую дичь этот мелкий выдаст на этот раз.

«Вовсе нет! — притворно обиделся Луань Лин. — Я вообще-то хотел тебя похвалить! Твой манёвр, когда ты запрыгнул на спину этому грифу — это просто шедевр! Ты не просто подавил его тактически, ты растоптал его морально и физически! Высший класс!»

«Морально и физически растоптал?.. — Гун Чао озадаченно моргнул. — Это ещё как?»

«Ну как же! — охотно пояснил Луань Лин. — Ты ведь совершил топтание! А птицы спариваются именно так — используют топтание. Так что в мире пернатых твоё доминирование выглядело как жестокое надругательство прямо во время боя!»

«... Молчи. Ради всего святого, просто замолчи, — вздохнул Гун Чао. — Я так и знал, что любая твоя мысль рано или поздно свернёт в эту степь».

Луань Лин весело покатылся со смеху, пока Гун Чао осторожно, но непреклонно не прижал его к гнезду своим широким крылом.

«Береги силы, — осадил его Гун Чао. — Спуститься на землю за едой мы сейчас не можем, так что если не хочешь протянуть лапы прямо на этой ветке — помалкивай и отдыхай».

Луань Лин умел вовремя остановиться. Поняв намёк, он послушно притих и уютно свернулся под тёплым боком Гун Чао.

Жизнь в саванне больше не напоминала прежний ленивый покой. Из-под кроны акации то и дело доносились истошные вопли, хриплые рыки и треск ломающихся костей. Каждый такой звук означал лишь одно: чья-то жизнь — зверя или человека — оборвалась в когтях хищников.

Затаив дыхание, они сквозь густую листву наблюдали за разыгрывающейся внизу кровавой драмой.

Спустя какое-то время они стали свидетелями того, как уцелевшие нападавшие устроили грызню между собой. Птицы яростно рвали друг друга прямо в воздухе, пока все до единой не рухнули наземь. Ослабевшие и покалеченные, они мгновенно стали лёгкой добычей для сновавших внизу львов и леопардов.

Для Луань Линя и Гун Чао ветви акации стали идеальным убежищем. Под деревом обосновался прайд львов, поэтому умеющие лазать леопарды держались от греха подальше. Сами же львы и гиены достать птиц на такой высоте физически не могли. Если не считать изнуряющего голода, их тихое существование в кроне дерева казалось сюрреалистичным островком безопасности посреди бушующего внизу багрового кошмара.

Когда до конца этапа оставалось всего три дня, изнурённые напарники увидели, как изголодавшиеся львы сошлись в смертельной схватке с огромной стаей гиен из-за скудных остатков добычи.

Бойня вышла неопишимо свирепой: доведенные до безумия голодом львы буквально разорвали гиен на части, не оставив в живых ни одной особи. И в тот самый миг, когда затих хрип последней гиены, над застывшей саванной внезапно разнёсся холодный синтетический голос системы:

[Внимание! В связи с критическим сокращением числа выживших игроков данный этап завершается досрочно]

[По истечении времени обратного отсчёта все выжившие участники будут перемещены в Общежитие]

[10... 9... 8...]

<http://bllate.org/book/18183/1749496>